

Дмитрий Бураго. Здравствуйте, уважаемый Пётр! К сожалению, мы все ограничены в перемещениях, поэтому наш разговор проходит онлайн. Я сейчас под Киевом, на даче. Вы, наверное, бывали в Киеве?

Пётр Мицнер. Да, да... Моя мама родилась в Киеве. Потому что все члены её семьи были киевлянами. Они бежали понятно когда: во время и после революции. Киев мне был настолько знаком из семейных рассказов, что, когда я приехал первый раз, то чувствовал себя просто, как дома.

Д. Б. Да, это время отражено ярче всего в произведениях Булгакова и Паустовского. Тогда в Киеве власть менялась чаще, чем месяцы в году. Потом началась другая реальность, проложив суровую разделительную полосу «до» и «после», когда вынуждены были

---

¹ Биографическая справка и фото: <https://is.gd/7GkATY> и частное сообщение П. Мицнера.

покинуть Родину, как и Ваши родственники, тысячи образованных и состоятельных киевлян. Многие из них в первое время пытались обрести свой новый дом в Польше.

П. М. В первое время... Вот-вот... В межвоенный период в Польше статус беженцев-эмигрантов был неясный. Во-первых, очень сложно было получить документы на жительство, особенно – русским. Кстати, два типа русских было в этот период. Одни жили в Польше, как русские чиновники ещё с царских времен, и многие из них остались. У них была своя недвижимость, усадьбы. И другие – это были эмигранты. Первая волна эмигрантов – это был 18-й – 19-й год. Сложно даже сказать, сколько русских оказалось в Польше. Приехали, остановились... Одни – месяц, другие – год. И ехали дальше. Моя семья, например, уехала из Киева во Францию, а потом решили, что поедут в Польшу, в город Лодзь, потому что будет ближе возвращаться в Киев. Ха-ха. Да, разные были расчёты и планы. И в этой первой волне, тут для нашего разговора это очень важно, приехал треугольник: Дмитрий Владимирович Философов, Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус плюс их секретарь Владимир Злобин. Они приехали и сразу включились в работу Бориса Савинкова. Основали польско-русское общество и начали издавать газету. Это была газета «Свобода», очень краткий период, потом – «За свободу!» и так далее. Но Мережковский... Мережковский читал лекции, встречался с Пилсудским, даже описал эту встречу... Но потом Мережковский и Гиппиус, обиделись на Пилсудского, что он задержался и не пошел на Москву. Мережковский тогда сказал: «Этого паука я проглотить не могу» и они уехали. Уехали, но Философов остался. Остался Философов ещё и потому, что ему уже этот треугольник несколько надоел, он уже стремился к большей самостоятельности. Во-вторых, он видел смысл своего пребывания в Польше. И я могу сказать, что Философов – это главная фигура первой русской эмиграции в Польше и, пожалуй, самая значительная. Может быть даже больше для поляков, чем для русских. Конечно же он издавал ряд газет (они сохранились в Польше – это очень важный момент). Но когда я обращался к ним, то задумывался: «Для кого он издавал эти газеты?», потому что интеллектуальный уровень был не для простых эмигрантов. Он хотел воспитывать общество вокруг этих изданий. Поэтому и в его публицистике нет снижения этого интеллектуального уровня. По приезде в Польшу он сразу начал налаживать контакты с польскими интеллектуалами: писателями, политиками и так далее. Его идея была такова: эмигранты не должны замыкаться в собственном кружке. Потому что в этом случае они самостоятельно образуют гетто с ностальгической эмигрантской пошлостью: самовар, гитара или балалайка и портрет царя-батюшки. Он же в 34–36 годах организовал

такой себе «Домик в Коломне», польско-русский интеллектуальный клуб, встречи в котором имели огромное значение и повлияли на польскую культуру. Там тоже на столе был самовар, но это было папье-маше, он был бумажный. Это такая ирония. У Философова было много иронии, самоиронии. Я издал по-польски сборник его статей и дореволюционных, и написанных в Польше, в Варшаве. Материалов вообще много, очень много. И они представляют большой интерес. Когда задавался вопросом: «Для кого он писал свои статьи?», отвечал так: «Для меня», потому что они важны и сегодня, они настолько не постарели, и имеют такую интеллектуальную силу! И его взгляды, в том числе и художественные очень интересны и можно сказать – актуальны.

Д. Б. Ему повезло, Вы откупорили эту брошенную в море истории и судеб бутылку с письмом Философова. Насколько я помню, умер он в 40-м году. Удалось ли ему создать вокруг себя круг единомышленников, по аналогии с «Башиной» Вячеслава Иванова? Или всё-таки он оставался один?

П. М. Он оставался, в каком-то смысле, один. Хотя фамилии русских писателей, поэтов, которые жили в Польше, я назову позже. Во-первых, он был настолько высокого интеллектуального уровня, что догнать его было очень сложно. В его газетах, выходивших на русском языке («Свобода», «За свободу!», «Молва», «Меч») работали люди, которые были ему близкими, с которыми были дружеские отношения, хотя он был очень непростой человек со сложным характером. С ним была Евгения Вебер-Хирьякова, жена Александра Хирьякова, они с мужем вместе приехали из Парижа в Варшаву по приглашению Философова, чтобы сотрудничать в этой газете. Хирьяков не выдержал, а Евгения Семёновна осталась, много писала очень интересных статей. Печаталась даже в польских журналах. Она была хорошо информирована о том, что происходит в Советском Союзе: в политике, в социуме, культурной жизни. Наверное, что стоит подумать и издать сборник её статей. В редакции Философа ещё были: Владимир Владимирович Бранд, очень интересный поэт и деятель НТСа. Философов очень не любил НТС, но любил Бранда.

Д. Б. А что такое НТС?

П. М. НТС – Народно-трудовой союз русских солидаристов. Как ни странно, по-моему, они существуют в эмиграции до сих пор. Довольно радикальная организация, в которой вот что не нравилось Философову: они посылали своих партизан-агентов в советский союз на гибель. Краткий период был в его кругу и Сергей Войцеховский, поэт, общественный деятель. Самое важное, что был и Лев Николаевич Гомолицкий, замечательный поэт. Мы с Лазарем Флейшманом издали в 2011 г. собрание русских сочинений Гомолицкого. Вышло оно в «Водолее». Он был польского происхождения, но русский, абсолютно

русский писатель и редактор, журналист. Основал в Варшаве маленькое издательство, в котором публиковались сборники стихов. Его название «Священная Лира», а место издания определялось так: зарубежье. Гомолицкий весь этот период был в поисках формы от авангарда к архаизации. Его поэтический поиск представляет большой интерес, как и публицистика. И вот ещё что, он пережил войну. Прятал здесь свою жену, которая была еврейкой. И сразу после прихода Красной армии вступил в польскую коммунистическую партию, ППР, в Союз польско-советской дружбы. Ему помогали его друзья поляки, которые ценили его. А потом он превратился в польского писателя. Критика говорила о нём очень, очень хорошо. И он как прозаик тоже всё время искал, искал, искал новые формы. Но не хотел вспоминать, вообще не хотел слышать, что какая-то русская эмиграция существовала в Польше. Он был автором очень интересных статей о Велимире Хлебникове. Уже во время перестройки к нему приехали из Москвы люди, он тогда жил в Лодзи, которые хотели поговорить о Хлебникове. Он согласился, но сказал, что он не знает русского... и ему нужен переводчик. Он хотел просто, чтобы был свидетель, потому что боялся, что приехавшие могут быть агентами. Просто и тогда много людей продолжало жить в страхе.

Но вернемся к русскому кругу Философова, который и был, и не был. Этот круг был не только русским, он был польско-русским. Самым близким его другом стал молодой Юзеф Чапский, польский художник, эссеист, потом в эмиграции сооснователь замечательного журнала «Культура». Кроме того, Марья Домбровская, известная польская писательница и другие. Философов пробовал соединить польских интеллектуалов и русских эмигрантов. Был ещё литературный кружок в Ровно, на Волыни. Там была поэтесса Лидия Сеницкая и Александр Кондратьев, приехавший из Петербурга. Он остался под Ровно потому, что там было имение тётки, там же он написал свой сборник стихов «Славянские боги» и роман. Очень Вам его советую: «На берегах Ярыни». Он стал этнографом, собирал поверья и суеверия о потусторонних силах, демонах, дьяволах... И на этой основе написал роман, как бы со скуки. Что же делать петербуржцу на Волыни под Ровно? Роман же сам полусерьезный, полужутливый, с хорошим чувством юмора. Переиздан был где-то 10-12 лет тому назад.

Д. Б. А много ли было газет и журналов на русском языке?

П. М. Один молодой исследователь насчитал, что в Польше выходило на русском языке с 1918 по 1939 годы 260 газет и журналов. Некоторые выходили несколько месяцев, некоторые больше.

Д. Б. Это очень большой массив. А как сложилась судьба первой волны эмиграции? Многие действительно уехали из Польши в Германию и дальше.

П. М. Некоторые уехали в сорок четвёртом перед Варшавским

восстанием. Сергей Войцеховский (о котором я вспоминал – был и общественным деятелем в русской эмиграции) тогда получил якобы информацию о том, что готовится восстание, и организовал транспорт для всех русских, которые хотели уехать в июле из Варшавы в Прагу. А в Праге одни оставались, другие ехали дальше. Некоторые прятались здесь, в том смысле, что не признавались, что они русские. Женились, выходили замуж за поляка. Но, что важно признать, официально никакой русской эмиграции в Польше не было вообще. Коммунисты говорили, что в Польше только поляки, евреи – тоже поляки. Просто единение этническое. Такая была у них идея государства. Но, как ни странно, в начале 50-х, ещё до смерти Сталина всё же разрешили открыть русский журнал в Польше – «Русский голос».

Д. Б. Это было первое издание после тридцатых годов?

П. М. Да. Он выходил в разных ипостасях: и как еженедельник, ежемесячник, ежеквартальник. Выходил до начала семидесятых лет. Главным редактором был Пантелеймон Юрьев, известный под псевдонимом Семён Витязевский.

Конечно, это были газеты, журналы прокоммунистические и как бы не связанные с довоенной эмиграцией. А на самом деле – это были те же самые люди. Там был сам Витязевский, был поэт Георгий Соргонин. Они издавали даже сборники поэзии на русском, было русское культурное общество, русский театр. Соргонин, кстати, был настолько хорошим поэтом, что его переводили польские поэты на польский.

Да, ещё среди этих довоенных русских нужно обязательно вспомнить Сергея Кулаковского. Это был историк литературы из Киева, который жил в Польше. Его главным произведением была книга, изданная в 39-м – «Пятьдесят лет русской литературы», с 84-го до 34-го. Замечательная книга, по-польски издана и практически до сих пор остается главным учебником истории русской литературы этого периода. А с другой стороны, он, например, издал в 29 году Берлине на русском антологию современной польской поэзии.

Д. Б. А какова была цель этого издания журнала «Русский голос»? На кого он был рассчитан?

П. М. Ну... было какое-то культурное общество, и всё-таки были люди, которые подписывались на это и читали, значит они почувствовали, что могут признавать, что они русские.

Д. Б. Что было после пятидесятих годов до нашей перестройки и до распада Варшавского договора? Много ли русских литераторов писателей существовало в Польше? Были ещё издания кроме упомянутых?

П. М. По-моему, не было. В Польше русских писателей уже не было, одни уехали, другие скончались: Соргонин, Витязевский и так

далее, молодых уже не было.

Д. Б. То есть новой волны эмиграции не было никогда?

П. М. Нет, нет. Всё это кончилось. Да, еще был журнал «Польша». Но на те журналы, которые издавались в Польше, например «Пшекруй», очень строгий был регламент для распространения в СССР. Например, одних журналов можно было посылать в Советский Союз 10 или 20 экземпляров и не больше, а другие – вообще нельзя. Что сказать, Польша была, как говорилось, самым веселым баракком в советском лагере, поэтому были и другие стандарты цензуры. В Польше можно было печатать авторов, которых нельзя было печатать в Советском Союзе. Я знаю русских, которые выучили польский, чтобы читать Кафку, например. И вряд ли было бы разрешение на подписку такого журнала русских эмигрантов. Зачем они эмигранты, если у нас самый-самый лучший строй. «Почему они в Польше оказались?», – возник бы такой вопрос. Ситуация русских в Польше была очень сложной. Например, сестра моей прабабушки, которая уехала из Киева только во время Второй войны, приехала в Варшаву и, конечно, у неё был советский паспорт и после войны вся семья говорила: «Ну давай возьми польский паспорт, зачем тебе советский, ведь ты живёшь у нас здесь». Она же: «Нет, нет». И была права. Потом тех, которые поменяли свой паспорт на польский, НКВД нашло и отправило опять в Советский Союз. А она каждый год ходила в Советское посольство, получала визу и так дожила до девяноста лет.

Д. Б. Ну вот развалился уже Советский Союз, народ начал разъезжаться. В принципе Польша тоже проходила очень сложный путь в конце восьмидесятых, начале девяностых годов. Я это помню, я уже бывал и в Кракове, и в Варшаве. И жизнь была достаточно тяжёлая. Но, при этом в Польшу приехало довольно много русских людей. В первую очередь с коммерческой целью. Но также начали выезжать музыканты, артисты, которые в том числе и пишущие. Сложилась ли за 90-е годы какая-то общность людей, которые живут в Польше и пишут по-русски?

П. М. Я не знаю. Не встречал таких. Например, была и есть газета «Русский курьер Варшавы» на русском, но это для бизнесменов. Я был заместителем главного редактора журнала «Новая Польша», который выходил с 1999-го года до 2018-го. Но, по-моему, нам никогда никто не присылал произведений из Польши. Может быть, и есть единицы, может быть, мы не знаем этого. Хотя наш журнал пользовался авторитетом, его читали.

Д. Б. То есть нельзя сказать, что сегодня есть эмигрантская русская литература в Польше?

П. М. Я не знаю такую. Есть замечательный поэт Игорь Белов, который много сотрудничал с «Новой Польшей», много переводил

польской поэзии на русский. И он сам пишет. Конечно, можно сказать, что его стихи известны в Польше, потому что их переводили на польский. Он живёт какое-то время в Польше, потом возвращается в свой Калининград, потом – опять в Варшаву. Даже больше времени он живёт в Польше, но он не эмигрант.

Д. Б. Мы подошли к тому вопросу, который для нас очень важен – это восприятие поляками русской литературы.

П. М. По-моему, интерес к русской литературе никогда не спадал, особенно сейчас. Я вижу, что читают мои студенты, и что их интересует русская проза. К сожалению, с русской поэзией уже сложнее. Не знаю почему. Я очень-очень волновался, когда спрашивал студентов: «А Есенина читали?» – не читали, «А Блока читали?» – не читали. Ведь мы читали. В семидесятые годы Есенин был поэтом нашего поколения и в переводах, и на русском. А в прозе, конечно, по-моему, первое место занимает Достоевский.

Д. Б. Достоевский и, наверное, Толстой...

П. М. Толстой уже не так... По-моему, есть огромный интерес к Достоевскому писателю, его личности, автору, который в современном смысле понимал человека. И это, конечно, решение проблемы «добра и зла» в каждом из нас. Это вопросы, на которые ищут ответы во всех поколениях. Думаю, что поддержал интерес к нему ещё Милош, который был в Америке, в эмиграции и читал лекции по Достоевскому. Ещё обращение Вайды к Достоевскому. Его постановки «Бесов», «Идиота» и «Преступления и наказания». А кроме того, люди просто много читают. Читали и читают Достоевского, как нашего современника. И никто, по-моему, кроме специалистов, не обращает внимание на его антипольские высказывания. Это не имеет никакого значения.

Д. Б. А кто ещё из русских писателей популярен в Польше?

П. М. Да, когда появился перевод «Мастера и Маргариты», то первое место в этом рейтинге занял Булгаков. Булгаков как автор «Мастера и Маргариты». Остальные его произведения читают, но уже не так.

Д. Б. А Гоголь?

П. М. Мои студенты, например, очень любят Гоголя. И тоже, как в каком-то смысле современника, но уже может не как великого психолога, но мастера гротеска, иронии, даже чёрного юмора и так далее. Но потом появляются и временные увлечения. Некоторый интерес не ослабевает, к Пелевину, например.

Д. Б. А кого ещё читают?

П. М. В театрах ставится много русских пьес. Из современников – например, Вырыпаев. Но и не падает интерес к Чехову. Сейчас, появились новые переводы Чехова. С Чеховым же был очень сложный

вопрос, потому что он с запозданием пришёл. Достоевского читали, а вот чтобы поставить на сцене Чехова – какие-то русские проблемы, русские помещики... Не было интереса к этому, к сожалению. Поэтому Чехов пришел уже после Второй мировой войны, оказалось – это гениальная драматургия. Тогда театры были обязаны ставить русские или советские пьесы. Конечно, лучше поставить Чехова, чем какого-то драматурга из соцреалистов. Так Чехов и остался.

А ещё очень большой интерес, ну... это где-то с девяностых лет, к ОБЭРИУтам.

Д. Б. Мы хорошо помним и любим не только Славомира Мрожека.

П. М. А в том и дело. Меня спрашивали русские друзья: «Как это вы так легко переводите Хармса?». Я говорю: «Потому что у нас есть язык». У нас есть язык, который выработан Виткацием. У нас был Гомбрович, Мрожек. Этот Хармс, как бы наш человек.

Д. Б. Да, когда впервые опубликовали в Европе ОБЭРИУтов, то кто-то из французских критиков заметил, что оказывается «Театр абсурда» был создан в Советском союзе.

Вы коснулись проблемы восприятия поэтического слова. Это необычайно важная проблема, потому что создаётся впечатление, что поэтическая речь, доминирующая в человеческих обществах тысячелетия, так как все религиозные тексты и значительная часть литературных, была ритмически организованной, теперь отстраняется от восприятия человека и мы перестаем её понимать, воспринимать. Создаётся впечатление, это очень конечно, частный взгляд, что поэты превратились в общество филателистов, которые делятся замечательными экспонатами, как марками. Но эти марки практически никуда уже не применимы, потому что переписка уже ушла в электронные сети, и наши драгоценные томики-кляссеры остаются ценностью только для ограниченного числа лиц. Не то же самое происходит с поэзией, здесь я говорю не о русской поэзии, а вообще о поэтической речи, её, с одной стороны, примитивизации и вульгаризации, то, что мы видим, например, в стиле рэпа? А с другой стороны, обособленности, когда поэт уже не рассчитывает на читателя, практически он продолжает творить для бумаги, которая будет ждать своего часа в той самой бутылке, которую бросят в море, чаще всего с иллюзорной надеждой на серьезное прочтение. Сейчас практикуется поэтический туризм, удивительное огромное количество различных фестивалей, на которых почти одни и те же люди, переезжают из страны в страну, читают друг другу стихи, дружат, и прекрасно общаются.

П. М. Как раз, я через несколько дней еду на такой поэтический фестиваль в Щебжешине.

Д. Б. Да, других в Европе, кажется, и нет. Мы там встречаем знакомых, дорогих нам людей, это замечательно. Но чаще всего мы выступаем с Вами, а круг наших слушателей не больше круга выступающих.

П. М. Конечно, у нас нет и не будет такой публики, как была у Маяковского. Но я как раз смотрел довоенные критические обзоры поэзии в Польше. До войны издавались поэтические книжки замечательных поэтов, в тираже таком же, как и сейчас – 300 экземпляров. Конечно, были единицы, у которых была большая публика. Это всегда так. Два-три автора, которые нашли с публикой какой-то общий язык, а иногда это был случайный успех. Случайно печатались в таких газетах, которые читались. До войны таких литературных встреч и фестивалей не было в Польше. Только был бумажный вариант, читали. Но такие поэты, как Тувим, например, имели огромную публику. Потом, после войны был Галчинский, Броневский. Конечно, когда они выступали публично, было много народа. Но это было случайно так как власть после войны, коммунисты, помогли, они организовали публику. После рабочего дня на фабрике: «Вот сейчас к вам приехал писатель». «О, Боже!» – и часто это был ужас. Но, когда появлялся Галчинский или Броневский, люди забывали, что они голодные и это был некий свежий воздух. А потом это кончилось во второй половине 50-тых.

Д. Б. Мне кажется, сегодняшнее поколение молодёжи перестает воспринимать поэтическую речь. Когда мы оканчивали школы в советское время, то множество стихов знали наизусть. А в современной школе запрещено задавать больше нескольких стихотворений в год учить на память. Это «новый гуманизм», оберегающий таким образом психику детей. Если мы вспомним воспитания в православной России, то дети учили святое писание наизусть и учили в больших, в огромных объемах. А это поэтический текст, создававший ритмические ориентиры.

П. М. В Польше у католиков религиозные тексты не заучивались, потому что до Второго Ватиканского собора, нельзя было простому католику иметь дома Священное Писание. Он мог только слушать его в костёле. Ну и другое, то, что вы сказали – выучить стихотворение наизусть. Это для меня как бы всегда связано с русской культурой, потому что, конечно, я тоже бывал в России – в Москве, в Перми и далее, я видел, что люди знают много стихотворений. И младше меня, и младше вас. Они выходили на подмостки, читали свои стихи, а потом уже читали и стихи других поэтов, потому что они их знали. Игорь Белов, с которым я дружу, ко мне приходит, выпиваем и он наизусть раскрывает всю русскую поэзию... Я, к сожалению, пользуюсь бумагой. Читаю из книг. Я не помню, чтобы какой-то польский поэт читал

наизусть свои верлибры. А что говорить о рэпе? Я очень внимательно слежу за этим явлением, потому что там появляются очень интересные проекты. И иногда, конечно, много там дурацкого, а есть и таланты. И вообще, в Польше мы долго недооценивали авторскую песню. Говорилось, ну ладно, Агнешка Осецкая очень хороший автор текстов, но разве она поэтесса? Ну ладно, Яцек Качмарский – бард, но разве он поэт?

Д. Б. В России тоже, мы помним, что к Высоцкому официальное отношение было – «не поэт». Высоцкий никогда не был членом Союза писателей, у него при жизни практически не было публикаций, потому что он был бардом.

П. М. А Окуджава?

Д. Б. Окуджава был членом Союза писателей. У него есть ряд романов. И, конечно, он стал признанным поэтом. И кто, кстати, не пускал в печать Владимира Высоцкого? Те же официальные писатели и поэты, потому что он актер, исполняющий свои песни. Не было практически ни одного состоявшегося большого литератора в России, который бы во всеулышание, в печати заявил, что Высоцкий – поэт, а при этом, именно языком Высоцкого заговорил народ.

П. М. Мне кажется, что существование поэзии в интернете помогает. Как бы увеличивается число читателей. Довольно сложно, например, получить какой-то сборник, вышедший там-то и там-то маленьким тиражом. Книжные магазины не хотят держать у себя поэзию на полках. Мы посылаем друг другу свои книжки или ездим на эти встречи, это имеет какой-то привкус авангарда. Авангард не может быть популярным.

Д. Б. Поэтому Мандельштам, спуская с лестницы молодых поэтов, кричал: «А Иисуса Христа печатали?». Когда они жаловались ему, что их не печатают.

П. М. Кстати, Мандельштам и Ахматова очень признанные в Польше поэты. И есть хорошие переводы, особенно Мандельштама. Получилось. Всегда есть вопрос: получится – не получится? Пастернак, оказывается, довольно сложный для польской поэзии. Есть несколько переводов, но всегда это не то, не то.

Д. Б. А Цветаева?

П. М. Очень сложная. Хотя есть переводы довольно ранние, довоенные ещё – её стихи Блоку. По-моему, это были первые стихи Цветаевой, переведённые в Польше. Да, но и вышла её проза на польском. Есть сложность с переводом Цветаевой, но это техническая, я бы сказал. Когда получится – её поэтическое наследие ждёт большой успех.

Д. Б. Понимаю, сложно. И не представляю, как Цветаеву переводить именно из-за короткой строки и очень сочной рифмы.

Добиться этого в другом языковом пространстве необычайно сложно. Или, я боюсь, что можно, добившись технического соответствия, утратить самое главное – поэзию. Очень рад нашему общению. Надеюсь, продолжить его и в Киеве.

П. М. Дело в том, что я в том году в октябре иду на пенсию. Уже надоело работать в университете. Немножко хочу отдохнуть от этой академической атмосферы. Подумаю. Все-таки в Киев хотел бы приехать. Конечно, я был бы очень рад встрече, прочитать стихи и так далее. У меня много переводов на русский. Мне ещё интересно погулять по Киеву, потому что там на Байковом кладбище обнаружались семейные захоронения. А я только знаю на расстоянии, что они есть. Дело в том, что мой прадед Фридрих Михельсон был очень известной фигурой в Киеве. Такой миллионер, который построил много больших зданий на Владимирской, Хмельницкого, Пушкинской. Самое главное для меня, конечно, не здания.

Стало известно, что с лютеранской части Байкового кладбища «выселяют старожилов», а наши могилы еще сохранились.

Д. Б. *Дай Бог, всё успеем! Скажите, что бы вы пожелали нашим читателям, читателям «Эмигрантской лиры», где выйдет наша беседа? И традиционно предлагаю окончить нашу беседу Вашими стихами.*

П. М. Желая, чтобы не думали, что живут в непоэтическое время. Такого времени не бывает. А стихотворение предлагаю в переводе на русский Игоря Белова.

СЕСТРА

живой душе

земля
смахнула крошки
вымыла посуду
вытерла руки
ушла

пуста дорога
в Осаду

и дом в Осаде

полнолуние пусто

пес возле будки
лижет пустую миску

теньями крыльев в темноту
молотят мотыльки

яблоки рождаются слепыми

мотыльки
это мы
Сестра

есть на свете цветок
алый алый
яркий пламенный

а нынче забор
ржавая проволока

стена колючая
чтобы
тебе не сбежать

проволочная ладонь
ласкает твои груди

я же теперь нахожусь
на пражской стороне бытия

меж челюстями
ворот

я тут свой
ворота меня не съедят

и в воротах стоит тишина
лужа в воротах

место мглисто

исчезают люди
дома деревья

мгла всеядна

съедает огни звуки
мгла поглощает время

поместить бы в ампулу
эту вот нашу мглу

забрать домой

и кормить ее своим
исчезновением

место
мефисто?

горько горько
унц унц
играет музыка
парни наматывают
круги
на скейтбордах
ночь понемногу
крадет реальность
и этот вечер на Праге
ломает скейтборды
тихо тихо
горько горько

Сестра шизофрения
смотрит на меня издали

– дай мне свой глаз
– говорю тебе, не дам
это мой глаз
– а я что, не твой?

топор
и хрясь!

надвое их разрубил

ты Сестра
не плачь
с таким шрамом
жить можно

можно поселиться
под столицей
на обрыве крутом
да с грохотом

а ты
подкладываешь себе
огонь под голову

просыпаешься с черной каемкой
на лбу

в комнате детства
полной
фокусов-покусов

улыбнись

будь
печалькой
со шрамом улыбки

матрица говорит:
можно ведь
овец стричь
собирать овощи

писать роман
о сборе овощей
и стрижке овец

матка говорит:
из большой птицы
вылетают маленькие
из контрабаса – скрипочки
сыночки дочурки

на семейных руинах
стелятся родимые
целуются родимые

на семейных руинах
пируют родимые

и уже семья новая
на курган из семей взбирается
и верхушка его
пахнет старостью
и младенчеством

искусство зачатия пеленания
и бренности

видишь
белым-бело в городе
снегом занесло

ах нет

это тысячи добела раскаленных
швов перекрытий стальных
кирпичей

глаза белые и губы
и кости

с этой белизны
не съедешь на санках

баюкаешь меня
Сестра снотворная

и сама себе
закрываешь глаза
пишешь стихи

ежятся слова
ты и я
ворчат

обозначают
мочой свою территорию

ты живешь у Бога-отца
на пожизненном

Ты у Него под рукой

и пишешь

что Бога нет
а Бог читает
и гасит свет

добрый Бог атеистов

ставит небесную капельницу

таскаемая коридорами
Сестра из другого мира
посаженная на иглу
связанная

искалеченная зеленоглазая поэтесса
в алом венце

жесткая щетка
гладит неспешно мозг
а вода-то из стали

огромный дурдом
набит битком
на цыпочках приближается
к твоим устам ампула

врач на дежурстве гадает:

что было
что есть
что будет

о чем не знаешь
что должно быть
чем сердце успокоится

кто-то идет к тебе
сквозь мрак

это земля
возвращается

пустота светится
я слышу
взрыв капли

так потеет
роза